

С начала и до конца Цзи Жань не проронил ни слова — сразу в драку. Не то что Лу Чанцин был в ступоре, даже староста и остальные остолбенели, наблюдая за этим.

— Сука, Цзи Жань! Ты, сволочь, посмел меня ударить! — Лу Чанцин наконец пришёл в себя и взревел, обхватил Цзи Жана за шею, провернулся корпусом и прижал его к земле.

Но Цзи Жань был пройдохой. С детства в драках он умел рассчитывать время и место, всегда придерживался правила: если силы не хватает — используй рельеф. Коленом он с силой ткнул Лу Чанцина в нижнюю часть тела и, увлекая его за собой, перекатился по земле. В последний момент, когда он вновь оказался сверху, ему удалось зажать верхнюю часть туловища Лу Чанцина между двумя деревянными столбами. Ограничив противнику свободу движений, можно было уже просто лупить, как пса в воде. У Лу Чанцина не было ни малейшего шанса дать сдачи. Он, конечно, пытался сопротивляться, жилы на шее надулись, но чёртовски неудачно сложилось — не мог пошевелиться как следует. Только тогда он с опозданием сообразил, зачем Цзи Жань специально устраивал эти перекаты. От осознания его чуть старик не хватил.

Цзи Жань, прижав его, лупил не щадя, а староста и остальные смотрели, глаза вытаращив, и никому даже в голову не пришло разнять их.

Старуха Лу прибежала с домочадцами и, увидев эту сцену издалека, тут же взвизгнула.

— А-а-а! Караул! Убивают!

Крик старухи Лу поднял на ноги всю округу. Все, кто работал в поле, кто шёл по дороге, — все встрепенулись от этого вопля. Когда Лу Чанцин громил вещи, многие уже издали за происходящим наблюдали. А теперь, услышав, что до убийства дошло, — дело серьёзное! Толпа, побросав инструменты, бросилась к тому месту.

Староста, видя такое оживление, почувствовал, как у него глаз дёргается. Лицо его почернело, хуже некуда. Но не успел он прикрикнуть и образумить всех, как Лу Чангэн и старший сын Лу Чанцина, схватив коромысла, бросились на Цзи Жана. К счастью, Гао Дачжуан с двумя сыновьями среагировали быстро и вовремя их перехватили.

Но этих двоих они перехватили, а старуху Лу и Гао Хуэй остановить было некому. Невестка со свекровью, рыдая и причитая, обе кинулись вперёд. А вот Лэн Сянлянь откуда-то достала пригоршню семечек и щёлкала их, типичный зритель, наблюдающий за зрелищем.

— Грех какой! Чем наша семья Лу такое навлекла, что такое несчастье на нас обрушилось!

— Чанцин! Боже мой, ты не бросай нас, не оставляй! Случись с тобой что — как мы, я да дети, жить-то будем?!

Цзи Жань, ещё слышав шум, проворно вскочил и отпрыгнул в сторону, так что обе женщины, кинувшись на него, даже краешка его одежды не зацепили. Они рухнули на колени рядом с Лу Чанцином, обняли его и принялись трясти и причитать, рыдали так, словно сердце разрывается. Кто не знал, мог бы и правда подумать, что тот уже дух испустил. На самом же деле он просто тарасил остекленевшие глаза, будучи избитым до полной беспомощности.

Цзи Жань холодно наблюдал, как это семейство кто орёт, кто буянит, отряхнул с одежды пыль и прилипшие травинки и, не удостоив их вниманием, направился к старосте. Но не прошёл и нескольких шагов, как старуха Лу подскочила и обхватила его ногу.

— Не уйдёшь! Покалечил моего сына и думаешь сбежать? Не на такого напал! Сегодня я, старуха, с тобой не покончу!

Что и говорить, старуха Лу всю жизнь прожила в расчётах. Будь её сын для неё превыше всего, она бы с самого начала не позволила Лу Чанцину в одиночку идти разборки устраивать. Даже если она и считала Цзи Жаня хилым и незащищённым, всё равно могло случиться всякое. А теперь, когда сын пострадал, явилась с воплями — намерения её явно уходили корнями в денежную выгоду.

Гао Хуэй плакала искренне — её напугало синячное лицо Лу Чанцина, — но больше она всё же играла на публику. То, как она бросала на Цзи Жаня взгляды, полные стыда, гнева и дрожи, как будто безмолвно кричало всем: смотрите, вот он, как он меня обесчестил.

Цзи Жань всё видел ясно, и на лице его заиграла насмешливая, презрительная усмешка.

— Не приходи он громить мой дом, мне бы и руки марать не пришлось. Неужто вы думали, я, Цзи Жань, из глины слеплен? Да, я его побил! Побил, потому что он вором в дом вломился! — Цзи Жань скосил глаза на руки, мёртвой хваткой вцепившиеся в его ногу, но вида не подал. — Не покончите, говорите? Что ж, тогда посмотрим, как именно вы собираетесь со мной «не кончать»! Лу Чанцин, в мое отсутствие, пришёл сюда, крушил и ломал. За весь этот ущерб сегодня надо рассчитаться, и пока этого не сделаем — никто не разойдётся!

— И это ты ещё говоришь! Если бы ты сам вёл себя неподобающе, людей не обижал, разве мой сын стал бы твои вещи ломать?

Старуха Лу изо всех сил сжала руками ногу Цзи Жаня. Слова её были намёком, но в деревне последние дни только об этом и говорили, даже дурак бы понял, о чём речь. Тут же зрители начали перешёптываться, а некоторые, позабыв про сдержанность, принялись кричать, что Цзи Жань бесстыдник, негодяй и прочее. Несколько особо горячих голов даже плюнули и закатали рукава, всем видом показывая, как им невтерпёж вступить за правду, но, поскольку староста был на месте, они лишь сверлили Цзи Жаня глазами, не решаясь действительно броситься вершить правосудие.

— Что за «неподобающее поведение» и «обида людей»? — Цзи Жань приподнял бровь, бросил взгляд на Гао Хуэй. — Разве не о том толкует вся деревня, будто я, Цзи Жань, к госпоже Гао приставал? Эта женщина, у которой уже век на исходе, моя покойная мать, будь жива, ненамного старше была бы. Неужто у меня, блин, глаза замазаны, чтобы на такую позариться? — Он повернулся к Лэн Сянлянь. — Это ведь ты языком молола? Слышал, ты на днях с нечистой силой повстречалась, всё кричала, будто кошачье привидение в тебе засело. А не думала ли ты, что за свои злодеяния рано или поздно придётся ответить?!

Лэн Сянлянь была из тех, кто языком не дурак почесать, и сначала хотела огрызнуться, когда Цзи Жань её по имени назвал, но, вспомнив тот случай, вдруг затряслась, и лицо её побелело.

Старуха Лу, видимо, тоже вспомнила, как сама с нечистью сталкивалась, дёрнулась от страха и инстинктивно ослабила хватку. Цзи Жань воспользовался моментом, силой вырвался из её цепких рук и сделал несколько больших шагов вперёд, отдаляясь.

В этот момент Лу Цзымин вдруг рявкнул:

— Подлец! Как ты смеешь мою мать оскорблять!

Цзи Жань и ухом не повёл в сторону Лу Цзымина. Холодным взглядом он обвёл собравшихся и,

остановившись на Гао Хуэй, прищурился.

— Госпожа Гао, ты всё же женщина. Хоть о своей репутации не печёшься, так о детях бы подумала. Неужели ради того, чтобы денег недополучить, стоило притворяться, будто я тебя изнасиловал, и доброе имя моё губить? Сыну твоему ещё жену искать, дочери — замуж выходить. Если мать их — бесчестная, кто таких детей захочет?

Эти слова явно задели Гао Хуэй за живое. До этого она изображала несчастную жертву, а тут вдруг лицо её перекопилось, и она с яростью уставилась на Цзи Жаня.

— Цзи Жань! Ты переходишь все границы! Со мной... со мной делай что хочешь, но детей моих порочить не позволю! Ты и детей проклинать готов, у тебя и совести нет! Совсем страха Божьего не имеешь, не боишься кары?! — Вид у неё был такой, будто она готова принять смерть, но не позор, и, казалось, если Цзи Жань скажет ещё хоть одно непристойное слово, она готова будет разбиться головой о камень, чтобы свою невиновность доказать.

— Истина сама всё расставит по местам, факты — упрямая вещь. Спорить с вами здесь я не намерен. Увидимся в суде. — Сказав это, Цзи Жань больше не смотрел на меняющиеся лица семьи Лу и направился прямо к старосте, сложил руки в приветственном жесте и поклонился. — Господин староста, вы в курсе недавних событий. Когда дело дойдёт до разбирательства в суде, прошу вас выступить свидетелем. Я сейчас же отправлюсь в управу подавать заявление. Здесь же прошу вас присмотреть за местом происшествия, чтобы всё сохранить. — Получив кивок старосты, Цзи Жань бросил на собравшихся беглый взгляд, даже не взглянув на разгром вокруг, и ушёл.

Услышав, что Цзи Жань собирается в управу заявление подавать, лица членов семьи Лу вдруг стали очень выразительными. Кроме простоватого подростка Лу Цзымина, все остальные забегали глазами — видно было, что совесть не чиста. Зрители, наблюдавшие за всем этим представлением, тоже начали кое-что смутно понимать. Сначала они верили словам семьи Лу, но теперь, видя, что Цзи Жань ведёт себя уверенно и без тени вины, в душе у них зашевелились сомнения. И взгляды на семью Лу стали странными, недоверчивыми.

Лэн Сянлянь, почуяв неладное, уже давно стащила своего мужа и смылась. А Гао Хуэй, ставшая мишенью для всеобщих взглядов, чувствовала себя так, будто её со всех сторон колют иголками, и готова была провалиться сквозь землю.

Старуха Лу посмотрела туда-сюда, не обнаружила Лэн Сянлянь с мужем — и след простыл, мысленно плюнула и засуетилась:

— Цзымин, чего уставился? Давай, отца домой веди! Ох, грех какой... Только недавно голову поранил, а сегодня опять... Старухе моей жизни просто не везёт!

<http://bllate.org/book/16271/1464364>